

Бизнес

Развитие частного предпринимательства с ведущей ролью нарождающегося среднего класса имеет ключевое значение для успешного перехода к демократии на Ближнем Востоке

Магазин ковров в Мадии, Тунис.

Вали Наср

НЕ СЛУЧАЙНО арабская весна началась в Тунисе, а не, скажем, в Сирии или Йемене.

Она началась там благодаря перспективе процветания и экономического роста. Она началась там благодаря наличию в этой стране большого, образованного среднего класса. Она началась там благодаря относительно либеральным политическим взглядам этого среднего класса и стремлению к получению политических свобод, которые сопровождают экономическое процветание.

В обстановке политической стабильности и открытой экономической деятельности частные предприятия преуспевают и экономика растет, способствуя формированию среднего класса. Именно этот средний класс, в свою очередь, настаивает на дальнейших политических изменениях и содействует укреплению демократии.

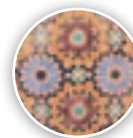
Для того чтобы Ближний Восток смог реализовать демократический потенциал арабской весны, а остальной мир — воспользоваться

общемировыми благами, которые он принесет, — страны в этом регионе и за его пределами должны поддерживать развитие частного предпринимательства и формирование сильного и политически активного среднего класса.

Плодородная почва

Когда в январе 2011 года по всему Тунису вспыхнули протесты, его экономика была открытой и динамичной. Население было образованным и технологически подкованным — 20 процентов населения пользовалось «Фейсбуком» для общения с родственниками и друзьями внутри страны и за границей.

В течение десятилетия, предшествовавшего арабской весне, Тунис с завистью называли «Китаем арабского мира». Хотя он и был авторитарной страной с широко распространенной коррупцией, Тунис также был интегрирован в мировую экономику благодаря экспорту товаров обрабатывающей промышленности и туризму, и темп роста его экономики

не как обычно

бы сопоставим с темпами роста в крупных странах с формирующимся рынком. Этот рост породил средний класс, который в конечном итоге подтолкнул страну к политическим изменениям.

На протяжении периода, продолжавшегося дольше, чем жизнь целого поколения, большинство стран арабского мира страдали от экономического застоя. Государственное регулирование экономики порождало раздутые, создающие дефицит государственные сектора, которые подавляли инновации и предпринимательство, прикрывая неэффективность государственного протекционизмом и высокими тарифными барьерами.

Как следствие, страны арабского мира отставали от других развивающихся регионов. Они страдают «склерозом», который углубляет бедность и чувство безысходности. И эта проблема лишь обостряется демографическим преобладанием молодежи в данном регионе.

Если эта ситуация не изменится — то есть если страны арабского мира не смогут последовать примеру успешных стран с переходной экономикой в Восточной Европе, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, — данный регион не только потерпит неудачу в построении демократического общества, но станет беднее и нестабильнее. А это приведет к множеству социаль-

но-политических проблем, которые будут создавать угрозу глобальной безопасности и экономическому процветанию во всем мире.

Наиболее очевидный риск несет в себе знакомая угроза экстремизма и терроризма, но вызывает беспокойство также опасность братоубийственных региональных конфликтов, гуманитарных кризисов и крупномасштабной миграции рабочей силы в Европу.

Экономический рост, обусловленный развитием частного сектора

Население арабских стран в настоящее время составляет 400 млн человек, и к 2050 году оно удвоится до 800 млн человек. Рост населения делает энергичный экономический рост неотложной первоочередной задачей. Даже для того чтобы оставаться на месте и сохранять существующий жизненный уровень, арабским странам потребовалось бы поддерживать темпы роста стран-«экономических тигров» в 9–10 процентов на протяжении как минимум целого десятилетия. Это чрезвычайно сложная задача, с которой государственный сектор не в состоянии справиться в одиночку. Экономический рост должен исходить из частного сектора, а для этого необходима реформа экономики: отмена регулирования, ослабление государственного контроля, содействие развитию торговли и укрепление правового государства.

Очевидно, что в регионе имеется потенциал для роста частного сектора. В прошлом десятилетии открытие экономики ряда стран — которое было наиболее значительным в Тунисе, Египте и Объединенных Арабских Эмиратах, а также Иордании и Марокко, — и приток новых технологий и капитала, вызываемый высокими ценами на нефть, способствовали росту малых и средних предприятий. Эти новые предприятия вливались в традиционную обрабатывающую промышленность и сферу услуг и создавали новые отрасли, такие как новые венчурные предприятия («стартапы») в сфере информационных технологий. Свидетельством тому служит покупка компанией Yahoo! иорданского Интернет-«стартапа» Maktoob за более чем 120 млн долларов США в августе 2009 года.

Благодаря деятельности некоторых из этих малых и средних предприятий мы можем, невзирая на сегодняшнюю мрачную картину, заглянуть вперед и представить себе реальные экономические изменения в этом регионе. Экономические реформы в Дубае, Малайзии и Турции и даже небольшое ослабление государственного контроля в отдельных странах и районах, таких как Египет, Пакистан и Западный Берег реки Иордан, создавали пространство (хотя и редко достаточное) для развития местной коммерции и глобальной торговли. Местные предприниматели и бизнесмены начали пользоваться преимуществами этих изменений.

Растущий средний класс

Результатом активизации деятельности частного сектора было зарождение небольшого, но растущего среднего класса. В 1960-е годы в среднем менее трети населения крупных мусульманских стран, таких как Иран, Пакистан и Турция, проживало в городах, и, согласно большинству оценок, всего примерно пять процентов приходилось на долю среднего класса. В настоящее время примерно две трети населения этих стран проживает в городах, и примерно 10 процентов относятся к среднему классу.

При более широком определении среднего класса, то есть при включении в него людей, официально занятых и получающих постоянную заработную плату и пособия, которые в состоянии тратить треть своего дохода на дискреционные расходы, средний класс будет включать примерно 15 процентов населения Пакистана и 30 процентов населения Турции. Эти показатели

становятся еще выше, если расширить определение среднего класса, включив в него тех, кто разделяет современные представления о семье, такие как желание иметь меньше детей и инвестировать в их развитие. Согласно одной из оценок, до 60 процентов иранцев входят — или готовы войти — в эту группу.

Признаки этого формирующегося среднего класса и вызываемого им всплеска в развитии капитализма наблюдаются по всему Ближнему Востоку, даже в охваченном революцией Каире, изнуренном войной Бейруте и подорванном санкциями Тегеране. Хотя общая ситуация на Ближнем Востоке выглядит мрачно, в последнее десятилетие стали появляться обнадеживающие признаки экономической активности в отдельных уголках этого региона. Эта активность не изменила общую экономическую картину, но обеспечила определенный импульс и указала на возможность изменений. В период между 2002 и 2008 годом реальный ВВП в регионе Ближнего Востока и Северной Африки возрос на 3,7 процента, по сравнению с 3 процентами в прошлом десятилетии.

Предприниматели из среднего класса представляют собой самую большую надежду на улучшение ситуации в их странах — а также наиболее мощное оружие против экстремизма и в пользу демократии. До настоящего времени крошечный средний класс арабского мира зависел от государственных зарплат и законодательно установленных пособий и имел мало связей со свободными рынками. Рост предпринимательства в этих странах на фоне бурно развивающегося капитализма — и интеграции в мировую экономику — может помочь это изменить.

Эти силы уже оказывают свое воздействие. Конфликт вокруг выборов в Иране в 2009 году представлял собой попытку растущего среднего класса защитить свои экономические интересы от политики президента Махмуда Ахмадинежада, направленной на усиление доминирующей роли государства в экономике. И, как уже отмечалось, арабская весна началась как стремление среднего класса к политическим изменениям, которые соответствовали бы культурным и экономическим чаяниям этой группы. Точно так же, как Турция, которая опиралась на средний класс, чтобы преобразовать себя в успешную мусульманскую демократию, полностью интегрированную в глобальную экономику, страны арабского мира могут развиваться благодаря усилиям своего недавно возникшего среднего класса в сочетании с предпринимательским рвением.

Перед новым арабским средним классом открыта захватывающая перспектива: обеспечив стабильность на Ближнем Востоке, он может также способствовать росту мировой экономики. Ближний Восток находится в самом центре более широкого мусульманского мира, который также готов к изменениям. По мере продвижения полутора миллиардов потребителей вверх по экономической лестнице им будут требоваться материальные блага либерального капитализма. Некоторым будут нужны товары, характерные для исламской культуры, и не только халяльные продукты питания и головные платки-хиджабы, но и исламские банковские услуги, образование, развлечения, средства массовой информации и потребительские товары.

Резкое расширение сферы исламских финансовых услуг

Такой потребительский спрос уже вызвал резонанс на глобальных рынках, как показывает резкое расширение сферы исламских финансовых услуг (финансовые услуги, которые следуют исламским правилам, запрещающим взимать и выплачивать проценты). Рост объема таких услуг более тесно интегрирует Ближний Восток в мировую экономику. Хотя исламские финансовые услуги продолжают занимать лишь определенную нишу на рынке — рынок исламских облигаций, стоимость которых приближается к 100 млрд долларов США, составляет всего 0,10 процента глобального рынка облигаций, и примерно 300 исламских банков и инвестиционных фирм в более чем 75 странах осуществляют контроль над банковскими услугами

общим объемом в сотни миллиардов долларов, — по некоторым оценкам, к 2015 году активы этого сектора возрастут до 4 трлн долларов США.

Некоторые члены этого нового среднего класса — потомки старой бюрократии, но значительно больший процент его — выходцы из провинций и более низких социальных слоев. Эти сыновья и дочери сельской бедноты поднялись в средний класс, приняв порядок современной экономики. Многие из них религиозны, но материальное благополучие и устремления могут совершенно недвусмысленно отвлечь их от экстремизма. В конце концов, богатство может сопровождаться показным потреблением, либеральными социальными и политическими ценностями и личной заинтересованностью участвовать в жизни мира.

Это не означает, что среди среднего класса не найдется мусульманских террористов. Но, во многом как в Латинской Америке в 1990-е годы, терроризм перестанет находить отклик у действительно интегрированного мусульманского среднего класса. Те, кто кровно заинтересован в развитии коммерческой деятельности и торговли, не станут поддерживать разрушительные идеи, угрожающие их будущему. Чувство отчужденности и гнева, которые многие мусульмане испытывают сегодня по отношению к Западу, является результатом исторических претензий, но оно значительно усугублялось их изолированностью от мировой экономики. Если это изменится, многие мусульмане начнут смотреть вперед, а не назад. Рост этой «критической массы среднего класса» — тенденция ничуть не менее мощная и важная, чем экстремизм. И она несет в себе залог изменения сердец и умов мусульманского мира.

Слишком рано судить о том, возглавят ли бизнесмены в Тунисе или Каире полномасштабную революцию, которая прочно утвердит арабскую политику в русле демократии — историческое преобразование, подобное тому, зачинателями которого были протестантские бюргеры в Голландии четыре столетия назад. Но история действительно показывает, что твердая приверженность предпринимателей капитализму — путь к реальной модернизации Ближнего Востока.

Интересы Запада

Мир кровно заинтересован в успехе арабской весны. Если происходящие изменения не выведут Ближний Восток на путь процветания и демократии, волна повышенной нестабильности и экстремизма прибьется к западным берегам.

Исламский экстремизм, который в настоящее время находится на подъеме в арабских странах, победят не представители просвещенного духовенства или либеральные реформаторы, а предприниматели и руководители предприятий. Это имеет очевидные последствия для правительств западных стран. Ценности приобретают больший вес, когда они служат экономическим и социальным интересам народа, и когда те, кто владеет ими, приходят к власти, эти ценности определяют поведение государств.

Триумф демократии в Европе следовал по стопам развития капитализма. Умеренные капиталистические ценности пока еще не вполне восприняты на Ближнем Востоке — не из-за основополагающего характера ислама, а из-за того, что возглавляющий этот процесс класс коммерсантов по-прежнему слишком мал. Содействовать росту этой буржуазии и занятию ею доминирующего положения в обществе — лучший путь обеспечить укоренение демократических ценностей.

Что могут сделать США и их союзники? Первое решение — расширить торговлю с этим регионом. Запад несет большие человеческие и материальные затраты, защищая свои интересы в расширенном регионе Ближнего Востока, однако реальный объем его коммерческой деятельности в этом регионе (за исключением Турции) очень мал. Без учета нефти и продажи оружия, торговля США со всеми арабскими странами со-

ставляет лишь малую долю их торговли с Латинской Америкой, Восточной Европой или Индией. В настоящее время США имеют соглашения о свободной торговле с Иорданией и Марокко, а Европа рассматривает возможность экономического партнерства с арабскими странами Средиземноморского побережья. Это — положительные шаги, но на полках западных магазинов все еще слишком мало товаров, произведенных в арабских странах.

Представляется, что правительства западных стран понижают значение предпринимательства, торговли и открытых рынков для будущего арабского мира, но механизмы содействия экономическим изменениям отсутствуют. Бюрократиче-

ские правила препятствуют финансовым инвестициям в малые и средние предприятия — американские средства вкладываются только в некоммерческие предприятия, — и не предпринимаются никаких согласованных усилий, чтобы подтолкнуть правительства к проведению реформ. Обсуждения экономических изменений отстают от политических дискуссий.

Малые и средние предприятия остаются маяком надежды этого региона и опорной точкой экономической концепции международного сообщества для него, отчасти благодаря их успехам в последнее десятилетие. Но эта концепция также основана на представлении о том, что в этом регионе еще имеется достаточный капитал — у внутренних инвесторов, которые гораздо более спокойно относятся к политическому риску, чем западные, — способный поддерживать эту динамику. Существует также надежда на то, что новое поколение лидеров, приходящих к власти, будет проводить политику, благоприятствующую развитию бизнеса. Президент Египта Мухаммед Мурси представлял себя как «египетский Эрдоган» (ссылаясь на популярного премьер-министра Турции, выступающего за интересы деловых кругов) в ходе последних президентских выборов в этой стране. И общепризнанно, что коммерсанты, входящие в электоральную базу «Братьев-мусульман», будут побуждать эту партию во всех странах арабского мира содействовать экономическому росту за счет развития бизнеса.

Стабильность и реформа

Малые и средние предприятия могут предпринять ряд шагов, чтобы оправдать возлагаемые на них надежды, — таких, которые срабатывали в новых демократических странах Азии и Латинской Америки. Но эти мероприятия зависят от двух основных факторов: политической стабильности и экономической реформы.

Трудно представить себе, что инвесторы вернуться в Египет прежде, чем эта страна вернется к верховенству закона,личные беспорядки прекратятся, и государственная стабильность станет ощутимой. Но коммерческим фирмам также необходимы гарантии того, что прекратятся забастовки, что правительство введет и будет защищать правила, регулирующие рынок труда, и что отношения между правительством и коммерческими фирмами будут стабильными и предсказуемыми.

Хотя в арабском мире, возможно, имеется достаточный капитал, менее вероятно, что он будет вкладываться в предприятия в странах, где их работа будет нарушаться забастовками, резкие повышения заработной платы будут сокращать прибыль, а постоянная угроза нестабильности — омрачать перспективы роста производства. Следует ожидать определенной

политической нестабильности после колоссальных изменений, охвативших этот регион. Потребуется время для нормализации ситуации и возврата к стабильности и верховенству закона. Но политический хаос отчасти обусловлен бедственным состоянием экономики.

Возьмем Египет. В первый год после ухода в отставку президента Хосни Мубарака экономика Египта сократилась на 0,8 процента (на календарной основе в 2011 году), причем обрабатывающая промышленность сократилась на 5,3 процента. Безработица возросла до 12 процентов (25 процентов среди молодежи). Частные внутренние инвестиции сократились на 10,5 процента, а иностранные инвестиции упали чрезвычайно резко — с 6,4 млрд долларов США в 2010 году до 500 млн долларов США в 2011 году. Значительное сокращение внутренних и иностранных инвестиций создало огромный разрыв в финансировании государственных расходов — 11 млрд долларов США во второй половине 2011 года. Число прибывающих в страну иностранных туристов уменьшилось примерно на 35 процентов — серьезная проблема для страны, в которой туризм составлял 11 процентов ВВП. Неудивительно, что дефицит бюджета правительства резко увеличился до 11 млрд долларов США (10 процентов ВВП — самый большой среди арабских стран). В сочетании с бегством капитала, которое продолжается, не убывая, из-за сохраняющейся политической нестабильности, валютные резервы резко сократились с высокого уровня в 43 млрд долларов США до 15 млрд. Два из каждых пяти египтян живут на менее чем 2 доллара в день, то есть последствия таких резких колебаний для жизни людей весьма глубоки.

Несомненно, для преодоления этих испытаний необходима экономическая стабилизация. Именно это пообещали западные державы на встрече Группы восьми промышленно развитых стран в 2011 году в Довиле. Но стабилизация обеспечит только краткосрочные выгоды, недостаточные для перелома тенденций, которые неотступно преследовали этот регион и изначально вызвали кризис государственного управления и экономики.

Четкая перспектива

Экономические преобразования и демократизация требуют развития частного сектора и динамичной коммерческой деятельности. Малые и средние предприятия должны возглавлять этот процесс, обеспечивая достаточный экономический рост для превращения арабских стран в передовые страны с формирующимся рынком; только в этом случае демократия будет иметь шанс в этом регионе. А для этого необходимы структурные реформы.

Каждый пример успешной демократизации в последнее время сопровождался экономической реструктуризацией. Международные финансовые организации объединили усилия с правительствами западных стран и частными донорами, с тем чтобы обеспечить всесторонние реформы капиталом, необходимым для поддержания экономического роста.

Это партнерство достигло своего апогея в виде так называемого Вашингтонского консенсуса. Эта активно критикуемая стратегия содействия росту и демократии не всегда срабатывала (или срабатывала безотказно), но без нее большинство усилий по демократизации оказалось бы безуспешными.

Арабскому миру необходим новый Вашингтонский консенсус: четкая стратегия проведения реформ и обеспечения необходимых средств для их осуществления. Это — лучший путь создать надлежащую среду и достаточный капитал для роста предпринимательства. ■

Вали Наср — декан факультета углубленных исследований международных отношений Университета Джона Хопкинса и автор готовящейся к выходу книги «Dispensable Nation: American Foreign Policy in Retreat».